

И.ГОССНЕР И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ОППОЗИЦИЯ ВЕСНОЙ 1824 ГОДА

Ю.Е. Кондаков

Материалы, накопленные на сегодняшний день, заставляют сместить акценты в расстановке сил интриги весны 1824 года, приведшей к удалению из России И.Госснера, и смещению с занимаемых постов его покровителя А.Н.Голицына. Самым подробным источником, описавшим эти события, является автобиография архимандрита Фотия (Спасского). Ее автор был далеко не самым главным участником выступления русской православной оппозиции (хотя и находился на острие атаки) и просто не мог знать всех обстоятельств интриги. Послания и визиты Фотия к царю были призваны отвлечь общественное внимание от видных чиновников, участвовавших в этом деле: А.А.Аракчеева, А.С.Шишкова, П.С.Мещерского, М.А.Магницкого. Фотий выполнил свою роль, и о деятельности его соратников мы сегодня можем только догадываться.

До 1824 года Фотий пользовался поддержкой А.Н.Голицына. Князь устроил ему аудиенцию у Александра I, добился награждения архимандрита и назначения его в первоклассный Новгородский Юрьев монастырь. В 1823 году А.Н.Голицын даже защищал Фотия от интриг его врагов. Заставить Фотия выступить против своего благодетеля могла только очень влиятельная сила. Персона, чей авторитет архимандрит признавал безусловно, была только одна – А.А.Аракчеев. Имя графа, как главного виновника падения А.Н.Голицына, фигурировало во множестве воспоминаний современников. Подобная версия прочно закрепилась в исторической литературе. До сих пор в ходу остается термин «аракчеевщина», совершенно ничтожный по своему содержанию. При этом с весны 1824 года все дела до императора стали доходить только через графа. Через А.А.Аракчеева к Александру I попадали и материалы по «Делу Госснера». Отметка графа стоит и на послании М.А.Магницкого 7 апреля 1824 года, и на посланиях Фотия. А.А.Аракчеев, докладывавший эти документы, мог внушить императору и свое видение ситуации.

А.Н.Пыпин объяснял участие А.А.Аракчеева в «Деле Госснера» борьбой за расширение влияния на ведомство А.Н.Голицына.¹ С подобной оценкой не были согласны наиболее консервативные исследователи. Высказывались предположение о том, что А.А.Аракчеев предотвратил развитие масонского заговора и спас Православную церковь от стремившего ниспровергнуть ее Библейского общества.² Любопытно, что подобный взгляд разделяли и некоторые зарубежные авторы. А.Труайя отмечал, что А.А.Аракчеев был очень озабочен религиозной политикой правительства и считал, что распространившиеся секты подрывают основы государства и церкви.³ При этом в подавляющем большинстве западных исследований, посвященных биографии И.Госснера, роль «злого гения» Александра I играет вовсе не граф, а князь Ф.Меттерних. Действительно, советы Ф.Меттерниха и рекомендации находящиеся в посланиях Фотия Александру I совпадали почти дословно.

¹ Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. С. 208.

² Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство от Петра I до наших дней. М., 1997. С. 292.

³ Труайя А. Александр I, или северный сфинкс. М., 1997. С. 257.

В действительности критика европейских и российских консерваторов, раздававшаяся по поводу политики Александра I, имела под собой очень серьезные основания. К 1821 году такие знаковые начинания императора, как Библейское общество, Священный союз, Министерство духовных дел и народного просвещения были охвачены глубочайшим кризисом. Политика А.Н.Голицына потерпела крах. Ему не удалось сплотить на религиозной почве российское общество. Сам министр прекрасно осознавал трудности, с которыми столкнулся, неслучайно уже в 1822 году А.Н.Голицын прибег к помощи консерваторов в лице архимандрита Фотия. С еще большими проблемами Александр I столкнулся во внешней политике. В своих письмах Ф.Меттерних отмечал, что уже в 1820 году в поведении И.А.Каподистрии и Александра I произошел перелом, и с этого момента они могли плодотворно работать. Думается, что А.А.Аракчеев был в курсе предстоящих консервативных перемен и приветствовал их. Графом двигала вовсе не честолюбие и ревность к власти, а беспокойство за судьбу страны и монархии. А.Н.Голицын утратил свое место потому, что Александр I решил сменить знаковую фигуру, ассоциировавшуюся с рядом неудач и прочетов и вызывавшую критику внутри России и за рубежом.

Сходными соображениями руководствовались чиновники М.Л.Магницкий и П.С.Мещерский. В силу занимаемых ими должностей они были в курсе просчетов А.Н.Голицына в области религиозной политики и народного просвещения. Тот и другой были вынуждены принимать участие в исправлении ошибок своего руководителя. Иначе говоря, у чиновников был вполне благовидный мотив поддержать выступление оппозиционеров или даже войти в русскую православную оппозицию.

Исследователем А.Ю.Минаковым обнаружены сведения о том, что именно М.Л.Маницкий был «застрельщиком» интриги весны 1824 года. Это вполне подтверждает рассказы самого М.Л.Маницкого о том, что он сопровождал карету митрополита Серафима во время его знакового визита к Александру I.

Есть основания предполагать, что о книге И.Госснера Фотий получил сведения от князя А.Б.Голицына и М.Л.Магницкого в конце 1823 года. В записке, поданной Николаю I в 1831 году, А.Б.Голицын писал, что, чувствуя невозможность убедить Александра I встать на защиту православия, он целую неделю прожил в Юрьевом монастыре. Там он передал архимандриту Фотию все имевшиеся у него сведения о действиях «врагов веры». Позже А.Б.Голицын послал к Фотию М.Л.Магницкого с новыми доказательствами, которые и побудили архимандрита начать выступление.⁴ Среди писем Фотия к А.А.Орловой-Чесменской имеется послание 31 января 1824 года под названием «Жалость отца Фотия, что враг запинаяет митрополиту его вызвать на подвиг за веру и Церковь Христовы».⁵ В нем Фотий сетовал на то, что Серафим забыл его «многие труды» и не вызывает его в С.-Петербург. «Нужда заставит его меня вызвать на брань, чтобы покорить врага под ноги верных и православие

⁴ Записка поданная А.Б.Голицыным Николаю I в 1831// Русская старина. 1898. Февраль. С. 533.

⁵ Послания Фотия к А.А.Орловой-Чесменской 1824-25// РГАДА. Ф. 1208. Д. 48. Л. 8. Послание №3.

поддержать»,⁶ – писал Фотий. Очевидно, в конце января Фотий уже знал о готовящемся выступлении и боялся, как бы события не начались без него.

По желанию митрополита Серафима в начале февраля 1824 года Фотий был вызван в С.-Петербург. Фотий в своей автобиографии описывал, как митрополит Серафим дал ему поручения разведать о книге И.Госснера у самого А.Н.Голицына. Скоро Фотий пришел к выводу, что князь «от Кошелева не отстает и внимает ему, врагу веры, дела на вред благочестия и вере делать продолжает, расстригу богоотступника И.Госснера покровительствует».⁷ Несмотря на то, что Фотий был убежден в том, что А.Н.Голицын главный виновник деятельности И.Госснера, он попытался уговорить князя обратиться к царю «доколе он мимо его не узнает; ибо мнил, что тогда царь прогневается за его молчание на него и явную к нему неверность». «Князь Голицын не послушал, но хотел восстать и протисся Бога, Фотия раба Его избранных, имел во уме своем распудить малое стадо ревнителей веры, поразить Серафима пастыря... и тако не ризу, но самую церковь раздрать».⁸ Если выводы о планах А.Н.Голицына, передаваемые Фотием, представляются крайне сомнительными, то заявление о попытке архимандрита предупредить князя о грозящей ему опасности находят подтверждение в их переписке.

Зная о готовящемся издании вредной книги, оппозиционеры лишь ждали ее выхода в свет, чтобы иметь основания для начала расследования. В своих воспоминаниях Н.И.Греч и В.И.Панаев однозначно свидетельствуют, что попытки добыть печатный экземпляр книги И.Госснера начались в середине марта (то есть сразу после того, как листы были отпечатаны). В своих воспоминаниях Н.И.Греч писал, что инициатором интриги был М.Л.Магницкий. По его поручению печатные листы книги И.Госснера из его типографии пытался получить полицейский осведомитель Платонов. Когда это не удалось заговорщики нашли другой путь. Узнав, что А.С.Брискорн дал два отпечатанных листа книги И.Госснера для просмотра Х.Я.Витту, причастный к заговорщикам чиновник Степанов обманным образом выманил их у врача и передал И.В.Гладкову, который, в свою очередь, отдал их М.Л.Магницкому.⁹ Фотий, описывая начало «Дела Госснера», указывал, что ему доставили только часть книги до 25 главы 45 стиха «Евангелия от Матфея». В другом месте автобиографии Фотий писал, что Серафим приложил к посланию царю 32 листа книги И.Госснера.¹⁰ При самом простом подсчете выясняется, что два типографских листа, полученных Степановым и Х.Я.Витта, как раз и являются 32 страницами книги приложенными Серафимом к посланию царю. Оппозиционеры не могли получить в свое распоряжение целой книги (даже до 25 главы) потому, что в это время она еще не была отпечатана. Сообщение Фотия о получении целой книги можно отнести к более позднему периоду «Дела Госснера».

В статье А.Глухарева содержатся два письма Н.И.Греча к генерал-губернатору М.А.Милорадовичу от 25 и 27 апреля 1824 года. В них Н.И.Греч подробно описывал, как в его типографию явился титулярный советник Я.М.Платонов (крещенный еврей, воспитанник митрополита

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ Автобиография Фотия // Русская старина. 1895. Август. С. 170.

⁸ Там же. С. 171.

⁹ Из записок Н.И.Греча // Русский архив. 1868. С. 140б.

¹⁰ Автобиография Фотия // Русская старина. 1895. Август. С. 188, 190.

Платона) и пытался приобрести книгу И.Госснера за 250 рублей. После этого Н.И.Греч перенес все экземпляры книги на свою квартиру, чтобы обеспечить им сохранность.¹¹ В своих донесениях к К.Х.Бенкендорфу в 1828 году Ф.В.Булгарин писал, что Я.М.Платонов был послан к Н.И.Гречу обер-полицмейстером И.В.Гладковым.¹²

На следствии этот вопрос получил подробное освещение. Из рапорта гражданскому генерал-губернатору С.А.Щербинину из первого департамента СПб Надворного суда, где рассматривали дело Трескина, Яковкина, Греча и Края, видно, что в апреле 1826 года там давал показания Я.М.Платонов. Он утверждал, что весной 1824 года он посетил своего больного товарища чиновника Самсонова (по версии Греча, Степанова). На столе у больного Платонов увидел листы какого-то религиозного сочинения, переданные Самсонову врачом Х.Я.Витте. Выяснив, что это часть новой книги И.Госснера, Платонов попросил эти 53 листа, и найдя их противными православию, передал обер-полицмейстеру И.В.Гладкову. Ознакомившись с отрывком сочинения, И.В.Гладков поручил Платонову достать книгу целиком. По заданию обер-полицмейстера Платонов безуспешно пытался купить всю книгу сперва у самого И.Госснера, а затем, когда выяснилось, что она печатается у Н.И.Греча, у рабочих его типографии.¹³ Пришлось довольствоваться уже добытыми листами. Таким образом, в руки деятелей православной оппозиции попала часть книги И.Госснера, на основании которой они могли официально обратиться с жалобой к царю.

О действиях оппозиционеров было известно в столичном обществе. В.И.Панаев вспоминал, что перед праздником Пасхи в 1824 году его посетил И.И.Ястребцов и сообщил о заговоре против А.Н.Голицына, в котором участвовали А.А.Аракчеев, М.Л.Магницкий, митрополит Серафим и архимандрит Фотий, поводом должна была послужить книга И.Госснера. В сам праздник Пасхи о том же В.И.Панаеву сообщил священник церкви Инженерного замка Малов. Через несколько дней о готовящемся заговоре В.И.Панаев поставил в известность П.А.Ширинского-Шихматова.¹⁴

Из автобиографии Фотия мы узнаем, что, получив часть книги И.Госснера, митрополит Серафим на заседании Библейского общества впервые выступил против А.Н.Голицына, и между ними произошла ссора. Это же подтверждает и письмо Фотия от 16 марта 1824 года, где он пытался примирить князя с Серафимом: «Митрополит никого паче тебя не может любить. Это знаю верно. Ты его душа вся. Никто тебя не любит, и не будет любить другой архиерей так свято, как Серафим».¹⁵ Фотий также упоминал о том, что по поводу книги И.Госснера шла борьба и в самом близком окружении митрополита С.-Петербургского. Его викарный епископ Григорий (Постников), которому Серафим поручил написать обличение этой книги, от задания отказался. И Серафим вынужден был писать опровержение самостоятельно, приложив к нему листы книги, имевшиеся у него. Нерешительность Серафима теперь становится понятна.

¹¹ Глухарев А. Дело о книге пастора И.Госснера 1824-1828// СПб филиал архива АН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 171. Л. 3-4.

¹² Видок Фиглярин. М., 1998. С. 244.

¹³ Показания Платонова в Надворном суде// СПб. Филиал архива АН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 171. Л. 378.

¹⁴ Панаев В.И. Воспоминания В.И.Панеева// Вестник Европы. 1867. Т. 4. С. 82-83.

¹⁵ Письмо Фотия к А.Н.Голицыну 16 марта 1824// Русский архив. - 1905. Кн. 3. С. 490.

Книги И.Госснера, до этого издававшиеся в России переводил покойный митрополит Михаил. Критиковать И.Госснера значило бросить тень на память Михаила. По той же причине вопрос о других книгах И.Госснера оппозиционерами ни разу не поднимался.

С середины апреля 1824 года начинается массированное выступление православной оппозиции. Первым 7 апреля 1824 года к Александру I обратился М.А.Магницкий. Он писал о том, что деятели Библейского общества в действительности являются членами церкви методистов. Это «ужаснейший враг всех Церквей и особенно двух католических и всех Правительств и особенно Самодержавных», - указывалось в записке. М.А.Магницкий обвинял И.Госснера и И.Линделя в том, что они являются союзниками методистов. Автор считал, что для борьбы с этим злом надо приблизить к государственной власти Православную церковь и возвысить католиков над лютеранскими церквами.¹⁶ 28 декабря 1824 года «записку о методизме и методистах» Александру I подал Фотий (теперь понятно, откуда архимандрит черпал свою информацию).¹⁷

Перед праздником Пасхи опровержение на книгу И.Госснера было закончено, после чего митрополит Серафим сразу же отправил его Александру I. Вслед за этим 12 апреля 1824 года Фотий послал императору два письма: «Пароль тайных обществ или тайные замыслы в книге «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Духа Христова» и «О революции через Госнера, проповедываемой среди столицы всем в слуху явно уже», а также приложенную к ним апологию (разбор мест из «вредных книг»). В них архимандрит обрушился не только на И.Госснера, но и на других мистических авторов, чьи произведения издавались в предыдущие годы в России. Позднее эти послания Фотия получили широкую известность. В рапорте графу М.А.Милорадовичу 21 июля 1825 есаул Е.Н.Котельников писал: «Архимандрит Фотий выставил Государю себя благодаря написанной им книге «Пароль», этот пароль есть карбонарский и изданный для смущения народа».¹⁸

В первом своем послании Фотий сообщал Александру I, что пребывая в С.-Петербурге полтора месяца, он тайно следил за И.Госснером и выяснил, что он «для приуготовления к революции умы вызван учить... вызван потому, что из нашего духовенства правоверного никого не нашлось способного к умыслам». Фотий жаловался на то, что, несмотря на его просьбы, А.Н.Голицын отказывался донести об открывшемся заговоре царю. Фотий сообщал, что 30 марта 1824 года ему было видение ангела, показавшего книгу и возвестившего: «сия книга составлена для революции, и теперь намерение ее революция».¹⁹ Эта книга была «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Духа Христова». Почему Фотий, сообщая о заговоре И.Госснера и вызвавшего его А.Н.Голицына, не ссылался непосредственно на книгу И.Госснера? Видимо, существовало разделение ролей. Серафим подал жалобу на И.Госснера, а Фотий дополнил ее своими посланиями. Не исключено, что Фотий действовал и помимо митрополита Серафима. В дальнейшем последней негодовал на

¹⁶ Магницкий М.А. Из: Записки о тайных обществах, полученная от Магницкого М.А. в 1824 г. Опубликовано А.Ю.Минаковым// <http://portal-slovo.likelove.ru/history>

¹⁷ Автобиография Фотия // Русская старина. 1895. Август. С. 170.

¹⁸ РГИА. Ф. 815. Оп.16. Д. 893. Л. 17.

¹⁹Фотий Автобиография// Русская старина. 1895. Ноябрь. С. 208-209.

С.И.Смирнова, переславшего Фотию критику книги «Воззвание к человеку о последовании внутреннему влечению Духа Христова».

Фотий вспоминал, что «Все дело о пасторе Госснере, его сочинении и прочем противу князя Голицына и всей враждебной партии шло в великой тайне для всех... даже митрополит Серафим не знал сам о том, имеет ли какое влияние на царя его апология и пастырское послание за веру и церковь».²⁰

В автобиографии Фотий писал, что в годы существования Соединенного министерства была оставлена традиция принесения личных поздравлений императору с религиозными праздниками митрополита С.-Петербургского. Тем не менее, через два дня после Пасхи митрополит явился во дворец, был принят и ему была назначена аудиенция. Встрече митрополита Серафима с Александром I представители православной оппозиции придавали большое значение. Это видно из автобиографии Фотия, воспоминаний А.А.Павлова и М.Л.Магницкого. Все эти лица пишут о том, что поддерживали митрополита в его решимости «раскрыть глаза царю» и даже провожали его до дворца, боясь, что он изменит решение. Фотий под руку вел Серафима до кареты со словами: «Что ты, владыко святой, робеешь? С нами Бог! Господь сил с нами! Аще Бог по нас, кто на нас? Пора тебе ехать! Гряди с Богом».²¹ По воспоминаниям В.И.Панаева, М.Л.Магницкий, «вслед за митрополитом, отправился на адмиралтейский бульвар, а оттуда прошел к подъезду Государя, где уже столпилось довольно народу, привлеченного каретою митрополита, с тем чтобы видеть, с каким лицом выйдет он из дворца, веселым или печальным. Удостоверившись же по довольному выражению лица владыки, что дело идет хорошо, он поспешил в невский монастырь поздравить его с успехом».²²

Во время беседы 17 апреля, продолжавшейся пять часов, Серафим жаловался царю на то, что «Церковь и государство в опасности от тайных обществ, первое из которых Библейское, оно возглавляется мирским человеком и противно христианству». Всё это, по словам митрополита, вело к революции, и главный организатор этих «непотребств» - друг царя - А.Н.Голицын. Князь для того и добился трёх министерств, чтобы разрушить православную церковь, он действовал под влиянием Р.А.Кошелева. Митрополит Серафим также подал жалобу на сотрудников А.Н.Голицына. 20 апреля 1824 года Фотий был тайно вызван во дворец к императору. Во время аудиенции архимандрит лишь повторил содержание своих посланий.

В действительности послания Фотия царю и его сообщения при личной аудиенции были более радикальны, чем это показано в автобиографии Фотия. Обнаруженные оригиналы посланий Фотия к Александру I позволяют существенно дополнить ход интриги, направленной и против А.Н.Голицына. На обороте послания от 12 апреля 1824 года Фотием дописано: «Р.С. Граф Алексей Андреевич Аракчеев - верен, хотя Я и не видел его никогда, но знаю по сердцу: и обер-полицмейстер верный Господа слуга, других я мало знаю по должности приближенных к тебе: впрочем, есть такие рабы Божьи у тебя, и в сем граде, - кои как ангелы святые, и о коих радуются небеса. Знай, что тебя народ весьма любит всей душою: и никому не верь, если кто скажет, что

²⁰ Там же. С. 213.

²¹ Там же. С. 217.

²² Панаев В.И. Воспоминания// Вестник Европы. 1867. Ч. IV. С. 84.

есть люди, тобой недовольные: есть карбонарии, но и тех токмо двух - лишить службы, - истает все яко воск».²³ Из вышеприведенных заявлений Серафима очевидно, что один из двух чиновников, подлежащих удалению, А.Н.Голицын. Другим лицом был ближайший сотрудник А.Н.Голицына А.И.Тургенев. В оправдательном письме царю 19 мая 1824 года А.И.Тургенев писал: «Я снова имел несчастье подпасть гневу Вашего Императорского Величества, и причиною оному принесенная Вам на меня жалоба преосвященного митрополита Серафима».²⁴

В записке Александру I от 23 апреля 1824 года, не вошедшей в автобиографию, Фотий писал, что никто кроме него не может раскрыть весь вражеский план «1.Список масонов посылаю при сем, - а другой большой и высших лож могу достать вскоре... 5. Я совесть много, яко святителю Божьему, митрополиту открыл, что могу, ему говорю тайно: а тебе все открываю... Мое дело тебе открывать, - а твоя святая воля все делать; 6. Не удивляйся великому знакомству моему, тако Господь все устроил на пользу Церкви Святой - и через чего по человеческой немощи дознать не мог, так Бог открыл мне. Никому не говори, что ты меня видел, и впредь, ежели будет угодно, тайно принимай. Единожды потеряешь меня, больше не найдешь другого. Мне Господь все способы дал разрушить и предупредить весь план зла».²⁵ В письме царю, где описывались последние встречи с А.Н.Голицыным, Фотий так же смягчил некоторые подробности. В оригинале звучало так: «и сказал К.Голицын: Я ли виновен? Г... виноват, он такого же духа был тогда сам. Сказал Фотий: что ты плетешь? Кто может сам себе быть враг? Государь ангел наш: уверяю тебя, что можно еще все остановить, и никакого труда не составит».²⁶

С самого начала «Дело Госснера» стало лишь поводом для массовой атаки оппозиционеров на религиозную политику правительства. Обвинить А.Н.Голицына в пренебрежении к учению православной церкви было нелегко. Находясь на посту обер-прокурора Св.Синода и министра, он последовательно защищал церковные интересы. Поэтому главной составляющей жалоб царю стала не религия, а политика. Оппозиционеры заявляли о существовании обширного революционного заговора, составной частью которого и являлась книга И.Госснера.

Рассмотрение книги И.Госснера и обстоятельств, связанных с ее появлением в С.-Петербурге, Александр I возложил на Комитет министров. Туда были переданы письменные жалобы клириков. Н.И.Греч вспоминал, что позднее спрашивал у Е.Ф.Канкрин, почему он согласился осудить книгу И.Госснера? Министр финансов отвечал: «Дело шло о выгодах православия. Несельроде, Моллер и я, как протестанты, не противились ничему, и соглашались с большинством».²⁷ Действительно, в 1824 году список Комитета министров пестрел немецкими фамилиями: вместо министра внутренних дел В.П.Кочубея присутствовал председатель Комиссии прошений В.С.Ланской, морской министр И.И. Де Траверсе,

²³ Послание Фотия царю 12 апреля 1824 года// Бумаги и письма архимандрита Фотия к императору Александру I// РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 43 96. Л. 6-7.

²⁴ Всеподданнейшее собственноручное письмо действительного статского советника Александра Тургенева 19 мая 1824// Письма главнейших деятелей в царствование Александра I. СПб., 1883. С.384.

²⁵ Письмо Фотия к Александру I 23 апреля 1824 года// Бумаги и письма архимандрита Фотия к императору Александру I// РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 43 96. Л. 12-13.

²⁶ Там же. Л. 34.

²⁷ Из записок Н.И.Греча// Русский архив.1868. С. 1410.

военный министр И.И.Меллер-Закоменский, государственный контролер Б.Б.Кампенгаузен, иностранных дел К.В.Нессельроде, финансов Е.Ф.Канкрин, юстиции Д.И.Лобанов-Ростовский, духовных дел и народного просвещения А.Н.Голицын. На заседании присутствовал А.С.Шишков.

Военный генерал-губернатор С.-Петербурга М.А.Милорадович получил в типографии Н.И.Греча отпечатанный экземпляр «Евангелия от Матфея» и убедился, что там находятся листы, переданные Серафимом царю. На заседание 22 апреля 1824 года М.А.Милорадович по Высочайшему повелению предъявил вниманию Комитета книгу «Евангелие от Матфея». Доклад М.А.Милорадовича был основан на письменной жалобе Серафима. Книга И.Госснера характеризовалась следующим образом: «заключающей в себе многие рассуждения, которые не только противны правилам Господствующей в России церкви, но не согласны с догматами всех вероисповеданий христианской религии, и многие такие умствования, которые вводят читателя в соблазн и внушают чувства противные правительству и всякой гражданской власти».²⁸ Генерал-губернатор сообщил, что книга сочинена пастором И.Госснером на немецком языке и переведена чиновником А.М.Брискорном, ныне умершим, перевод напечатан с дозволения цензора в типографии Н.И.Греча. М.А.Милорадович потребовал привлечь к ответственности книгоиздателя.

Естественно, мнение министров не могло отличаться от мнения, предложенного по воле императора. Решение Комитета министров по рассмотрению книги было: «Комитет Министров, рассмотрев представленный петербургским генерал-губернатором печатный экземпляр книги пастора Госнера, нашел со своей стороны, что изъясненные в оной толкования действительно во многих местах противны понятиям всякого исповедывающего христианскую религию, оскорбительны для господствующей у нас греко-российской веры и содержат в себе мнения, клонящиеся к разрушению общественного благоустройства. Посему ничто не может извинить книгоиздателя, который осмелился публично огласить такого рода умствования».²⁹

За рассмотрением книги последовала дискуссия. Министр духовных дел и народного просвещения, как высшее начальство цензуры, а, следовательно, так же виновный в выходе книги, пытался защищать своих подчиненных. Он привел объяснение цензора о том, что тот разрешил книгу, но, позднее увидев, что к ней сделано много прибавлений, билета на выпуск не дал. И если она вышла в свет, то в этом виновен содержатель типографии. А.Н.Голицын внес свое особое мнение в журнал Комитета министров: «Так как пастор Госснер относится к католическому исповеданию, поручить рассмотреть его поведение митрополиту католиков Сестренцевичу, который и должен определить степень его виновности». Здесь впервые проявилась разность мнений, боровшихся в разных инстанциях, позднее разбиравших «Дело Попова». Адмирал А.С.Шишков предложил саму книгу И.Госснера рассмотреть подробнее, чтобы определить степень ее худости.

То и другое особое мнение были отражены в решении Комитета министров: 1) Госснеру запретить публичные чтения и определить его под надзор полиции; 2) цензора отстранить от должности и предать суду; 3) так как книга еще не получила билета цензуры на выпуск, генерал-губернатору

²⁸ Дело о действительном статском советнике Попове // РГИА. Ф. 1151. Т. 1. Д. 177. Л. 101.

²⁹ Там же. Л. 102.

поручалось исследовать, как и куда разошлись печатные экземпляры; по материалам расследования привлечь к суду владельца типографии; 4) митрополиту Серафиму совместно с митрополитом Сестренцевичем исследовать данное произведение и решить, какому взысканию должен быть подвергнут автор; 5) митрополиту Серафиму представить свое мнение о цензуре книг на русском языке по предметам, до веры относящимся.

По журналу Комитета министров 25 апреля 1824 года последовало два императорских указа. Первый был адресован министру духовных дел и народного просвещения: «Санкт-петербургский военный генерал-губернатор довел до сведения Моего о распространившейся в здешней столице на русском языке печатной книги под заглавием: «О Евангелии от Матфея», которая переведена с сочинения пастора римско-католического исповедания Госнера, на немецком языке изданного, и пропущена к напечатанию цензором статским советником Бируковым», - затем цитировались речь генерал-губернатора и заключение Комитета министров, и далее следовало: «Посему считая обратить должную строгость как на сочинителя, который осмелился публично оглашать такого рода умствования, так равно и на цензора, дозволившего напечатать оныя на русском языке, Я повелеваю вам истребовать от сего последнего объяснения, по каким причинам мог он пропустить означенную книгу и внести оное на рассмотрение Комитета министров. За сим, для отвращения на будущее время, чтобы подобные сочинения и впредь не могли быть перепечатываемы на русском языке, поручено вам снести с преосвященным митрополитом Серафимом, на каком основании признает он соответственнейшим установить цензуру всех сочинений и переводов, издаваемых на русском языке, по предметам, до веры относящимся, и мнение его, совокупно с собственным вашим заключением, внести в Комитет министров на рассмотрение»³⁰.

Второй указ был на имя министра внутренних дел, повторяющей первый указ в отношении пастора И.Госнера: «Что принадлежит до пастора Госнера, то, поелику после сделанных Комитетом министров замечаний и после обнаруженного им в сочинении сем образа мыслей, не остается уже никакого сомнения в предосудительности поступков его и в самой чистоте предписываемых им поучений, Я признаю необходимым производившиеся доселе в занимаемой им квартире собрания для слушания его проповедей воспретить, и самого его удалить из России; для сего вместе с сим повелею Я управляющему Министерством внутренних дел выпроводить Госнера за границу на том же основании, как выслан был из Одессы пастор И.Линдль и с такими же пособиями, какие оказаны были в то время Линдлю».³¹ Вместе с этими указами Комитету министров было объявлено, что прочие положения и мнение А.С.Шишкова утверждаются. Вследствие этого рассмотрение книги И.Госнера относительно ее вредности по гражданской части было возложено Комитетом на «Министра Внутренних Дел совокупно с Шишковым».

Почему расследования «дела о вредной книге» было поручено Комитету министров? Возбуждавшиеся в прежние годы дела о запрещении «Сионского вестника» и «Беседы о бессмертии души над гробом младенца» решались внутри Соединенного министерства. А.Н.Голицын представлял свое заключение царю, и в первом случае Александр I распорядился

³⁰ Там же. Л. 104.

³¹ Там же.

передать «Сионский вестник» духовной цензуре, в другом издании «Беседы...» было запрещено. На этот раз Александр I устранился от участия в деле. Очевидно, что это решение было связано с предстоящим расформированием Соединенного министерства. Под удар попадал министр, друг царя, А.Н.Голицын. Решать вопросы такого уровня, кроме царя, могли только Комитет министров и Государственный совет.

Указы Александра I корректировали решение Комитета министров, существенно ужесточая его. Еще до официального рассмотрения «Дела И.Госснера» компетентными органами и лицами автору книги выносился приговор. Его предписывалось выслать из России. Издание в России «вредных» книг считалось уже доказанным, и А.Н.Голицыну предписывалось консультироваться с митрополитом Серафимом по вопросам цензуры. Александр I предполагал, что это удовлетворит оппозиционеров и сделал все, чтобы затруднить и ограничить дальнейшее расследование «Дела Госснера».

Александр I совершенно устранил от рассмотрения дела клир, хотя министры предлагали привлечь митрополитов Серафима и Сестренцевича. В Комитете министров не звучали ссылки на жалобы Серафима и Фотия. В ходе «Дела Госснера» лица, участвовавшие в издании книги, неоднократно упоминали о том, что сочинения И.Госснера нельзя оценивать с православных позиций, так как автор католик. При этом император отменил решение Комитета министров привлечь к разбору «Евангелия от Матфея» католического митрополита Сестренцевича. Таким образом религиозная составляющая «Дела Госснера» отсекалась. Сам пастор был уже недоступен для следствия. Речь могла идти лишь об ответственности отдельных чиновников и лиц, причастных к изданию книги.

Вслед за этим Александр I предпринял меры, чтобы урегулировать конфликт между митрополитом Серафимом и А.Н.Голицыным. Вечером 22 апреля по повелению императора в дом митрополита явился граф А.А.Аракчеев, с целью примирить Серафима с князем. Фотий считал, что граф имел задание поддержать митрополита: «После слышал Фотий от графа Аракчеева, что император велел ему потому быть на совете тайном сём, дабы как старец Серафим не оказал какой-либо слабости духа и уступки в деле, и стоял бы Серафим твёрдо, а что касается до царя, то он готов за всё приняться. Ежели же митрополит не устоит в твёрдости своей, то дело царю начать гласно будет без пользы».³² Примирение не состоялось. 25 апреля, в час дня, в доме А.А.Орловой-Чесменской Фотий предаёт А.Н.Голицына анафеме за потворство вредным книгам. По чьему указанию Фотий разорвал отношения с князем видно из его автобиографии: «Возвратился Фотий в объятия отца, архипастыря Серафима, внушавшего разорвать союз с князем Голицыным, возвещает, что сотворил он с ним и со всеми».³³

30 апреля 1824 А.А.Аракчеев передал императору «Записку одного католика». Ее автор писал: «Трудно в точности определить, к какому классу людей принадлежит пастор Госснер. К злонамеренным или заблуждающимся. Он думает, что один на земном шаре понимает смысл Евангелия. В его проповедях доброе и злое перемешано. Госснер не признает официальных церковных властей и агитирует против них. Он призывает народы слиться в единое братство наподобие республики. Как

³² Фотий Автобиография// Русская старина. 1895. Ноябрь. С. 230.

³³ Там же. Декабрь. С. 191.

фанатик он опасен для общественного спокойствия. Толкуя по-своему Евангелие, он искажает и указы гражданских властей. Покровительство в столице еретика, отпавшему от Римской церкви, дает основание и другим сектантам собирать свои общества. Секта Госснера опасна для государства».³⁴ Иначе говоря, по поводу И.Госснера католики были полностью солидарны с православными клириками.

15-17 мая 1824 года Александр I подписал указы, ознаменовавшие собой коренной поворот в его религиозной политике. А.Н.Голицын увольнялся от всех должностей, сохранив за собой лишь Главное управление почт. Соединенное министерство расформировывалось, дела Св.Синода возвращены в тот вид, в котором находились до учреждения министерства, Министерство народного просвещения с присоединенными к нему духовными делами иностранных исповеданий передавались под управление А.С.Шишкова, митрополит Серафим назначался директором Российского библейского общества. Таким образом контроль над духовной сферой передавался в руки деятелей православной оппозиции.

Очевидно, что издавая вышеперечисленные указы, Александр I выполнял требования православной оппозиции. Все мероприятия проведенные 15-17 мая, можно обнаружить в послании Фотия царю 29 апреля 1824 года «План разорения России и способ оный план вдруг уничтожить тихо и счастливо». Фотий предлагал царю: «1) Министерство духовных дел уничтожить, а другие два отнять у настоящей особы. 2) Библейское общество уничтожить под тем предлогом, что много уже напечатано Библий, и они теперь не нужны. 3) Синоду быть по-прежнему, и духовенству надзирать при случаях за просвещением, не бывает ли чего противного власти и вере. 4) Кошелева отдалить, Госснера выгнать, Фесслера изгнать и методистов выслать, хотя главных».³⁵ В оригинале послания к пункту №2 имеется приписка «уничтожить Б.О. или духовенству особенно в руки отдать оное, так как сословию для того избранному от Бога».³⁶

Что же заставило Александра I удовлетворить требования консерваторов? До революции в исторической литературе бытовало мнение, о том, что у царя «утомление жизнью было столь велико, что он более не имел сил бороться и уступил».³⁷ После революции господствовало мнение о том, что в последние годы царствования Александр I отказался от либеральных реформ и допустил к власти реакционеров. Материалы политической жизни России 20-х годов XIX века, накопленные на сегодняшний день, опровергают сложившийся в исторической литературе взгляд. В 1824-25 годах Александр I был очень активен. Он готовился к войне с Турцией, искал новых внешнеполитических союзников и проводил активные внутриполитические мероприятия. Отставка А.Н.Голицына была вызвана теми же причинами, что и отставка обер-прокурора А.А.Яковлева. На него жаловались православные клирики, т.к. он не устраивал членов Св.Синода. После поручения дел духовного ведомства А.А.Аракчееву Св.Синод был умиротворен. Другой причиной был провал религиозной

³⁴ «Записка одного католика»// РГИА. Ф. 1409 Оп. 1 Д. Л. 38.

³⁵ Фотий Автобиография// Русская старина. 1895. Декабрь. С. 196.

³⁶ Бумаги и письма архимандрита Фотия к императору Александру 1824// Ф. 1409 Оп. 1 Д. 43 96. Л. 25.

³⁷ Романов Н.М. Император Александр I. М., 1999. С. 229.

политики князя, вместо того, чтобы консолидировать российское общество, А.Н.Голицын вызвал негодование представителей крупнейших конфессий.

Разгадка «переворота» весны 1824 лежит в области внешней политики. Необходимость решительных перемен в правительстве возникла в 1824 году в связи с наметившимися изменениями в отношениях России и Рима. 8 августа 1824 года скончался Пий VII. Это положило конец влиянию его фаворита, кардинала Консальви, придерживавшегося антирусской ориентации. Консальви был непопулярен среди высшего духовенства Ватикана, и, выбирая нового Папу, кардиналы старались подобрать кандидатуру, во всем противоположную ненавистному фавориту. На престол был избран кардинал Делла Джега, получивший имя Льва XII. Эти события дали возможность Александру I надеяться на новый европейский союз, направленный против Турции и Англии. Однако на пути сближения России с Римом оставалось по-прежнему много препятствий, устранять которые император начал весной 1824 года. Мероприятия Александра I должны были, в первую очередь, поднять его популярность в глазах католиков, а во вторую - консолидировать власть в руках царя и умиротворить российское общество. А это было едва ли возможно без изгнания неудобных, в равной степени православным и католикам, проповедников и прекращения выпуска «мистической» литературы.

Расформирование Соединенного министерства и отстранение от власти деятелей Библейского общества отвечало содержанию папской буллы от 3 мая 1824 года, в которой осуждался перевод Евангелия на народные языки. Аргументы Папы вполне соответствовали взглядам русской православной оппозиции. Вот что писал Лев XII своим епископам: «Небезызвестно вам, что Общество Библейское скитается смело по Вселенной, презрев предания Св.Отцов, и в явную противность постановлению Тридентского собора стремится совокупными силами к тому, чтобы перевести Священное Писание на природные языки всех народов, или, лучше сказать, исказить Библию превратным переводом».³⁸ Далее Папа призывал католических клириков оградить паству от происков библейских обществ.

В трудах немецких исследователей приводились следующие причины удаления И.Госснера из России: В.Бефманн-Холлиг - недовольство Св.Синода книгой И.Госснера и его утверждением о том, что у Богородицы были дети; Г.Далтон - интрига А.А.Аракчеева в борьбе за власть; А.Херманн - требование Меттерниха, обвинение в том, что венчал незаконный брак И.Линдля, как повод использована книга; К.Робер - требование Меттерниха.

Немецкие исследователи практически не рассматривали обвинений, предъявляемых И.Госснеру консерваторами. В послании митрополита Серафима царю, доложенном М.А.Милорадовичем Комитету министров, отмечалось, что учение И.И.Госснера противоречит догматам христианства и направлено против государства и церкви. М.Л.Магницкий обвинял И.Госснера и И.Линдля в том, что они являются союзниками методистов. В своих посланиях императору Фотий обвинял И.Госснера в том, что он агент тайного общества, ставившего своей задачей разрушение российской монархии и церкви (в автобиографии Фотия к этому были добавлены обвинения в создании секты, восстании в Баварии и поругание

³⁸ Цитируется по автобиографии Фотия// Русская старина. 1896. Август. С. 438. Примечание.

Богородицы). В отзывах на книгу И.Госснера А.С.Шишков писал, что она направлена на «ниспровержение всякой христианской веры, отвращение от священных писаний и позыв на восстание против всех первосвященников и всех вельмож и царей». В послании «католика» Александру I содержался самый полный набор обвинений: создал секту, фанатик, призывает к созданию республики, агитирует против церкви, не признает государственных постановлений. Со всеми этими документами консерваторов Александр I ознакомился лично, причем часть из них была в его распоряжении до принятия решения о высылке И.Госснера (послания М.А.Магницкого, Серафима и Фотия). Принципиальное согласие императора с этими высказываниями отразилось в его указе Комитету министров.

Немецкие исследователи в своих выводах почему-то совершенно не принимали во внимание то, что И.Госснер был обвинен в государственной измене, выразившейся в подготовке переворота, а Комитет министров и император признали это обвинение справедливым. В этом контексте очевидно, что немедленной высылкой из России Александр I просто спас И.Госснеру жизнь. В предстоящем следствии по «Делу Госснера», длившемся до 1826 года, за неимением главного обвиняемого ответчиком стал переводивший книгу И.Госснера В.М.Попов. Трудно не обратить внимание на слова И.Госснера, сказанные в его последней проповеди: «Благодарите императора за то, что он спас меня от моих врагов». Александр I мог остановить «Дело Госснера» на любом этапе: отказаться слушать Серафима, смягчить или дезавуировать доклад М.А.Милорадовича, не утвердить мнение Комитета министров, тем более, что там мнения разошлись. Но император поступил иначе. Он не только ужесточил меры предлагаемые Комитетом министров, но и передал книгу И.Госснера на рассмотрение А.С.Шишкова (А.Н.Голицын предлагал передать ее митрополиту католиков Сестренцевичу). Взгляды А.С.Шишкова на иностранную литературу, а тем более религиозного характера, были общеизвестны. Очевидно, что православные оппозиционеры никак не могли повлиять на Александра I. Не случайно во всех жалобах консерваторов, кроме И.Госснера содержались и другие объекты критики. Одновременно с жалобой Серафима на книгу И.Госснера было подано послание Фотия, критиковавшее другую книгу «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Духа Христова». Оппозиционеры предлагали Александру I альтернативу выбора. В этом случае и могли сыграть дополнительную роль жалобы католиков и ходатайство Меттерниха.

Естественно, И.Госснер не был агентом каких либо-тайных организаций, ставивших своей задачей изменение государственного строя России. Однако обвинения в создании секты, пропаганде против официальных церквей, подрыв основ монархического государства были вполне применимы ко всему движению «пробужденных». Они подпадали под параграфы российского законодательства, направленные на защиту Русской православной церкви (за такие вещи карали сожжением, отсечением головы, отсечением сустава, прожиганием языка – подобные наказания при Александре I не применялись, но предания суду никто не отменял).³⁹ Спустя полгода близкие по взглядам к И.Госснеру священник

³⁹ Выписка из законов, при мнение сенатора Сумарокова// РГИА. Ф. 1151. Т. 1. Д. 177. Л. 146.

Ф.Левицкий и есаул Е.Н.Котельников были по приказу императора заключены в монастыри – первый на три года, второй пожизненно.

Почему Александр I не стал наказывать И.Госсера, а фактически спас его от преследований консерваторов? Во-первых, император очень редко наказывал за религиозно-политические взгляды. Очень серьезные и отчасти оправданные обвинения возводили на иезуитов, масонов, членов тайных обществ – будущих декабристов. Александр I ограничился высылкой и запретами. Отправлен в ссылку был лишь А.Ф.Лабзин, слишком горячо проявлявший свое негодование. Когда в 1819 году было подавлено выступление русской православной оппозиции, направленное против политического курса правительства, сосланы были лишь двое – Е.И.Станевич и епископ Иннокентий (в последнем случае это была почетная ссылка). Впоследствии никто из участников «Дела Госсера» так и не был наказан. Такова была политика Александра I, И.Линдль и И.Госснер вовсе не являлись исключениями.

Во-вторых, император вполне отдавал себе отчет в мере вины И.Госсера. Пастор был вызван в Россию по приказу Александра I именно для того, чтобы проводить подобные взгляды (естественно, задача была не разрушение алтарей и престолов, а наоборот, защита их от революционных идей). Главным фактором является то, что этот «либеральный» курс потерпел крах. А.Н.Голицын не справился со своими задачами и не смог умиротворить русское общество. Александр I в новых условиях был вынужден делать ставку на оппозиционеров-консерваторов.

Совершенно неубедительно звучат высказывания немецких исследователей на тему того, что на слабовольного Александра I повлиял отчаянный консерватор Меттерних. Действительно, оценка австрийского канцлера религиозной политики, в русле которой в Россию были вызваны И.Линдль и И.Госснер, почти дословно совпадала с оценками российских консерваторов. Но пойти на существенные перемены в политическом курсе Александра I заставил не Меттерних и не русская православная оппозиция, а сложнейшая политическая ситуация, складывавшаяся в то время в Европе.

Ориентироваться на католическую церковь, пресечь движения сектантов и диссидентов Меттерних призывал Александра I еще до 1815 года. Но внял этим убеждениям российский император лишь в конце 1823 – начале 1824 годов. Европейские революции, активизация тайных обществ, раскол в рядах Священного Союза по поводу Греческого восстания и, наконец, рост влияния ультрамонтанов заставили Александра I скорректировать курс. Среди жертв этой корректировки оказались И.Линдль, И.Госснер, А.Н.Голицын и его ближайшие соратники, а так же Российское библейское общество.